

Сяо Ли являлся младшим сыном императора и единственным сыном императрицы. В этом году ему исполнилось всего пятнадцать, и в свое время предполагалось, что он станет объектом восхищения в императорском дворце, вырастая в любви, избалованный ласками. Однако из-за врожденной умственной неполноценности император считал его лишь своим позором. Бросив его без внимания в другом дворце. Как бы ни просила императрица, она могла видеть своего сына только два раза в год – один раз во время Праздника середины осени и один раз в начале Нового года.

Удивленный Ху Цзи переспросил: «Шестой принц? Почему вы вдруг заинтересовались шестым принцем?»

Линь Цинюй нашел тот ряд, где хранились медицинские записи принца, отвечая на вопрос: «Я хочу знать, как заболел шестой принц».

Хотя Сяо Чэн очень уважал императрицу, свою диму, в конце концов, у него была еще и биологическая мать. Более того, его биологическая мать считалась благородной наложницей с выдающимся статусом. Когда в будущем Сяо Чэн взойдет на трон, и императрица, и наложница Чэн станут вдовствующими императрицами: одна – вдовствующей императрицей мухоу*, а другая – вдовствующей императрицей шэнму*. Естественно, императрица, так долго управлявшая гаремом, не захотела бы делить власть с другой женщиной.

[Примечание: □□ - мать монарха. Мухоу будет бывшей императрицей. □□ - мать государя. Шэнму будет наложница / биологическая мать императора.]

Любой, кто не желал, чтобы Сяо Чэн взойшел на трон, мог временно стать ее союзником. Сяо Ли, несомненно, был ключевой точкой в завоевании расположения императрицы.

Сяо Ли был перевезен в другой дворец уже более десяти лет назад, и император держал слабоумие своего сына в строжайшем секрете. О нем очень редко говорили во дворце. Линь Цинюй и Ху Цзи вошли во дворец недавно, и единственное, что они знали о шестом принце, это то, что он был умственно неполноценен. Но насколько это серьезно, они понятия не имели.

Ху Цзи помог Линь Цинюю найти нужные ему медицинские записи, заметив вскользь: «Я слышал, что императрица искала известных лекарей для лечения недуга шестого принца. Но независимо от того, были ли это императорские лекари из столицы или чудотворные лекари Цзянху, все они оставались беспомощны перед лицом болезни шестого принца. Учитывая все обстоятельства, может его слабоумие врожденное. Ведь лекарства так и не нашли».

Линь Цинюй был согласен с заявлением Ху Цзи, но Сяо Ли по-прежнему являлся его главным козырем в борьбе за контроль над императрицей. Поэтому это дело стоило потраченного на него времени.

«Нашел! – Ху Цзи вынул толстый тяжелый ящик с медицинскими записями в нем. – Взгляните и убедитесь, что это то, что нам нужно».

Линь Циньюй мельком просмотрел записи в ящике, подтвердив предположение Ху Цзи: «Это действительно медицинские записи шестого принца».

Двое лекарей сразу же приступили к их прочтению. Каждый лекарь, осматривающий Сяо Ли, отмечал, что его пульс ничем не отличался от пульса любого другого человека. Они даже не могли найти причину его болезни, так как же они могли лечить его от неизвестной им болезни?

Медицинские записи Сяо Ли были намного толще, чем у других членов королевской семьи. Поначалу он ничем не отличался от других принцев. Его ежедневно осматривали, и до двухлетнего возраста у него не было ничего более серьезного, чем случайные легкие заболевания. Но к двум годам Сяо Ли все еще не заговорил. И императрица начала беспокоиться. В то время во дворец все более и более приглашались разные лекари, делалось все более и более медицинских записей, связанных с шестым принцем. Когда Сяо Ли было пять лет, император, наконец, полностью сдался. Игнорируя мольбы императрицы, он настоял на том, чтобы отправить своего младшего сына во дворец, расположенный в провинции.

В день, когда Сяо Ли покидал императорский дворец, к нему пришел еще один человек, чтобы осмотреть его перед отъездом. Этот человек не был императорским лекарем, на самом деле, он вообще не был каким-нибудь лекарем, это был учитель нации Даюй, Сюй Цзюньюань. Последняя запись о принце гласила: «Учитель нации сказал, что это болезнь потери души*, и от нее нет никакого лекарства».

«Потеря души? – Ху Цзи задумался ненадолго, что-то припоминая. – Я слышал, как моя бабушка говорила, что дух и душа новорожденного нестабильна. Если его слишком сильно напугать, это может привести к потере души...»

Линь Циньюй удивился: «Ты в это на самом деле веришь?»

Ху Цзи смущенно улыбнулся, оправдываясь: «Я знаю, что лекари не должны верить в подобное, но есть много вещей, которые просто нельзя объяснить здравым смыслом».

Линь Циньюй закрыл медицинские записи принца, заметив: «Раньше я в это не поверил бы. Но теперь...»

Душа Гу Фучжоу могла летать по всему миру. Что такое простое объяснение как «потеря души» Сяо Ли по сравнению с подобным явлением?

Ху Цзи предположил: «Если шестой принц действительно потерял свою душу, то ему уже ничем не поможешь, даже если Хуа То вернется к жизни*».

[Примечание. 胡托 huà tuó zài shì досл. Хуа То вновь появился в мире людей, обр. врач исцелитель, лекарь милостью божьей. Хуа То, 145? - 208 гг., известный врач эпохи Восточная Хань. Выдающийся хирург в конце династии Восточного Хань. Был первым инициатором

лечебной физкультуры и изобретателем лечебной гимнастики, построенной на подражании движениям пяти животных. Он особенно прославился как хирург, оперировавший на органах брюшной полости под обезболиванием.]

Линь Цинюй на мгновение задумался, заявив: «Я все еще хочу увидеть это своими глазами. Кто сейчас медицинский чиновник того провинциального дворца?»

Всякий раз, когда людям во дворце нужно было упомянуть в разговоре провинциальный дворец, они называли его не иначе, как сад Цзиньян. До него было всего день езды верхом и половина дня, если лошадь хорошенько прищипорить. Сад Цзиньян был построен с видом на воду, он использовался императорской семьей в качестве летнего места отдыха. В последние годы у императора стало совсем слабое здоровье, и он уже давно не посещал сад Цзиньян. В саду Цзиньян, кроме нескольких старых наложниц, был только один номинальный хозяин, и это был Сяо Ли. Служанки и евнухи, служившие там, естественно, далеко были не такими преданными своему делу, как слуги из императорского дворца. Даже дежурный лекарь сада Цзиньян имел самое низкое звание из всех чиновников Императорской лечебницы.

Линь Цинюй рассказал отцу о своем намерении навестить шестого принца в летнем императорском дворце. Отец Линь, не задавая лишних вопросов, быстро помог Линь Цинюю с разрешением этого дела. В столице уже выпал первый снег, дни становились все холоднее и холоднее. Было много заболевших. Как правило, императорские лекари неохотно отправлялись в подобные места, как провинциальный дворец. Отец Линь, направил туда лекаря, под предлогом того, что во дворце не хватало людей. И лекарь, не имеющий официальной должности, но обладающий при этом настоящим талантом и практическими знаниями, не вызвал особых комментариев со стороны других чиновников.

Поездка до сада Цзиньян и обратно в экипаже должна была занять у Линь Цинюя не более двух дней. Когда Гу Фучжоу узнал об этой затее, он высказал желание сопровождать Линь Цинюя в этой поездке, но был безжалостно отвергнут: «Разве тебе не нужно присутствовать на утреннем суде, чтобы обсуждать государственные дела?»

«Знаю, – с горечью ответил Гу Фучжоу, тяжело вздохнув. – Но понимаешь ли ты, что я болен? Я зачахну, если не увижу доктора Линь хотя бы один день».

Линь Цинюй холодно поинтересовался: «Эта болезнь повлияет как-то на твой сон?»

«Хороший вопрос, – Гу Фучжоу задумчиво потер подбородок, отвечая. – Последний раз, когда я потерял сон... был тогда... в последний раз».

Линь Цинюй посмотрел на Гу Фучжоу, как на дурака. А тот улыбаясь, продолжил объяснение: «Я имел в виду, когда я был в Юнляне. В то время этот сучий сын император ни в какую не позволял мне вернуться в столицу. Я так волновался, что не мог нормально спать».

Линь Цинюй спокойно упаковал свою аптечку, озвучив диагноз генерала: «Очевидно, что твоя болезнь не носит серьезного характера, раз это не влияет на твой сон в другое время, – сухо

добавив. – Я постараюсь вернуться как можно скорее».

Гу Фучжоу знал, что Линь Цинюй едет туда по делам, и он просто жаловался на жизнь. Но, в конце концов, он не мог не отпустить его, не мог поступить безответственно.

Весь путь Линь Цинюя прошел беспрепятственно. После нескольких поверхностных вопросов, проверив его личность, охранник сада Цзиньян разрешил ему войти.

В саду Цзиньян были насыпаны искусственные холмы и вырыты глубокие пруды, и все это великолепие объединяла проточная вода. Многочисленные павильоны и беседки были рассыпаны вперемешку, словно горсть драгоценных камней: где внизу, где вверху. Летом все это представляло великолепнейшее зрелище, но зимой оставалось только ощущение уныния от грустного холодного пейзажа. Прогуливаясь по саду, можно было увидеть лишь несколько евнухов и служанок, убирающих эту территорию. Этот дворец был далеко не таким оживленным, как резиденция генерала.

Линь Цинюй спокойно следовал за евнухом, который вел его к кабинету лекаря. На дежурстве был только один медицинский чиновник – дородный мужчина с большими оттопыренными ушами, чей живот с трудом удерживался его официальной формой, так и норовя вырваться на свободу. В это время он жарил сладкий картофель на углях. Услышав шаги, не поднимая головы, он раздраженно выкрикнул: «Здесь нет лекарств. Если вы больны, вы можете либо пойти и найти лекаря снаружи, либо самостоятельно приготовить себе нужное лекарство».

Евнух, который шел впереди, только и успел, что предупредить его: «Императорский лекарь Хуань, сюда прибыл кое-кто из Императорской медицинской канцелярии».

Когда императорский лекарь по фамилии Хуань услышал слова «Императорская медицинская канцелярия», он немедленно вскочил с места. Но увидев Линь Цинюя, он испытал еще один шок, сумев только выдавить из себя: «Вы...»

«Моя фамилия Линь».

В Императорской медицинской канцелярии было очень мало людей с фамилией Линь, и человек, стоявший сейчас перед ним, обладал такой выдающейся внешностью, что тот легко догадался о его личности, услышав холодное представление этого человека. Императорский лекарь Хуань улыбнулся, и в его словах можно было услышать почти нескрываемую грубость: «Ах, это же жена генерала. Пожалуйста, извините мне мою грубость».

«Вы только что сказали, что в этом кабинете лекаря закончился запас лекарств?»

«Дело не в этом, – императорский лекарь Хуань улыбнулся, внаглую разглядывая ледяной лик Линь Цинюя. – Просто с наступлением зимы многие люди начинают болеть. Естественно, что имеющихся лекарств от кашля и простуды становится недостаточно».

«Тогда, если его высочество заболит, вы ожидаете, что он „либо пойдет и найдет лекаря снаружи, либо сам приготовит себе лекарство“?»

Императорский лекарь Хуань на мгновение потерял дар речи, но сумел собраться: «Это... как такое может говорить жена генерала? Его высочество шестой принц пребывает в добром здравии».

«Я сказал „если“».

«Мы... ну, тогда мы обязательно найдем способ. Его высочество – сын императора. Даже если бы у каждого из нас было по десять голов, мы бы не посмели пренебречь его здоровьем».

Линь Цинъюй довольно долго служил чиновником во дворце. Он давно привык иметь дело с лицемерными людьми, которые на словах соглашаются с тобой, а за спиной делают все наоборот. «Где сейчас его высочество? – был следующий его закономерный вопрос. – Сегодня я здесь, чтобы осмотреть его высочество».

Императорский лекарь Хуань в своем сердце мог только горько жаловаться. Но из-за страха, что Линь Цинъюй доложит о плохом обращении с императорским сыном Юань Паню, а, может быть, даже пожалуется самой императрице, попытался угодить ему изо всех сил. Он быстро заговорил, создавая полное сотрудничество с приезжим: «Да, я прошу жену генерала, пожалуйста, пройти вот сюда».

Линь Цинъюй подошел к павильону, где жил Сяо Ли. Как только он вошел в ворота, то увидел молодого человека, одетого в черную парчу, сидящего на корточках в снегу. Юноша опустил голову, играя в какую-то только ему ведомую игру. День был такой холодный, а на плечи юного принца не накинули даже плащ.

Линь Цинъюй обратился к евнуху, который указывал ему сейчас путь: «Это его высочество шестой принц? Верно?»

Евнух с готовностью подтвердил: «Да...»

Хотя рядом с ним разговаривали неожиданно прибывшие люди, Сяо Ли совершенно не обращал на них внимания. Он сунул покрасневшую от холода руку в снег, зачерпнул пригоршню и засунул себе в рот.

«Ваше Высочество! – евнух быстро кинулся в сторону Сяо Ли, схватив его за руку. – Вы не можете это есть».

От действий евнуха снег выпал из руки Сяо Ли. И тот пустым взглядом уставился на землю, затем медленно встал и посмотрел на Линь Цинъюя.

Когда их глаза встретились, сердце Линь Цинюй слегка дрогнуло.

Сяо Ли родился с выдающимися физическими данными. Обладая стройной фигурой, в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет, он был уже таким же высоким, как и Линь Цинюй. Тонкие ровные брови, впечатляюще красивые черты лица. Однако его глаза были пустыми... Он казался безжизненным сосудом. Погасшим фонарем. Какой бы непревзойденной ни была его внешность, его бездушная манера поведения портила общее впечатление.

По какой-то причине Линь Цинюй почувствовал, что внешность Сяо Ли была ему чем-то знакома.

Тем не менее Линь Цинюй поприветствовал Сяо Ли, обратившись к нему согласно его положению: «Этот смиренный Линь Цинюй приветствует ваше высочество».

Сяо Ли по-прежнему продолжал молчать. Потеряв интерес к вновь прибывшим, он снова присел на корточки, повторяя свое предыдущее действие – зачерпывать и есть снег.

Линь Цинюй холодно поинтересовался: «Где момо, которые должны присматривать за его высочеством?»

Евнух так разнервничался, что его прошиб холодный пот: «Я сейчас же найду их!»

Все это время Линь Цинюй стоял рядом с Сяо Ли, наблюдая за ним. Затем он протянул руку и помог молодому человеку подняться на ноги, снова решив обратиться к нему: «Ваше высочество, давайте войдем внутрь».

Сяо Ли позволил ему направлять себя, не плача, не создавая никаких проблем, словно ходячий труп. Линь Цинюй попросил его сесть на стул, затем достал подушечку для запястья, чтобы проверить пульс. Единственно, что он смог выяснить, так это то, что Сяо Ли сейчас страдает от простуды. Однако, кроме этого, он действительно ничем не отличался от любого другого человека.

Линь Цинюй наконец понял, что подразумевалось под «потерей души». Шестой принц, Сяо Ли, действительно остался только с совершенным телом-сосудом, а его внутренняя сущность бесследно исчезла.

Через некоторое время на место прибежали служанки и евнухи, обслуживающие в саду Цзиньян шестого принца Сяо Ли. Их лица были одно уродливее другого.

Все они были давними слугами Сяо Ли. Хотя этот шестой принц был сыном императора*, сам император стыдился его, избегая, а императрица могла видаться с ним только два раза в год. Шестой принц не мог говорить, он не мог пожаловаться на жестокое обращение с ним. Пока они выполняли необходимые действия всякий раз, когда императрица посылала кого-

нибудь для проверки, они могли бездельничать днями напролет.

[Примечание: 大郎 / dízǐ. [старший] сын главной жены; наследник.]

Линь Цинюй даже не спросил, где они только что были. Он просто отдал приказ: «Его высочество замерз. Идите и приготовьте ему тарелку имбирного супа».

Пока все были заняты этими приготовлениями, Сяо Ли сидел неподвижно, не издавая ни звука, как будто его никогда и не существовало в этом мире.

Линь Цинюй выписал для принца рецепт от простуды, попросив евнуха передать его императорскому лекарю Хуаню, уточнив: «Я знаю, что в лечебнице нет нужных лекарств. Я попрошу отца рассказать об этом императрице и попросить ее прислать во дворец побольше лекарств».

Одно это предложение стоило им почти половины жизней. Все они дружно вскрикнули: «Лекарь Линь, эти слуги знают, что поступили неправильно. В будущем мы обязательно будем хорошо служить его высочеству... Мы умоляем вас...»

Линь Цинюй сочувственно улыбнулся им, холодно ответив: «Позже вы сможете рассказать сами обо всем вашей императрице». Он пробыл в саду Цзиньян еще чуть-чуть, отправившись в обратный путь. Линь Цинюй ехал всю ночь, вернувшись в столицу уже на следующий день.

«Доктор Линь, наконец, вернулся, – Гу Фучжоу только что вернулся домой, и все еще не сменил свою официальную одежду. Он радостно приветствовал Линь Цинюя, стоя у двери и признаваясь. – Это правда, что „разлука на два дня ощущается как разлука на два дня“*».

[Примечание: Он смеется над высказыванием, которое означает «разлука в один день, ощущается как три осени»]

Линь Цинюй нахмурился, не оценив его шутку: «Что за чушь ты снова несешь?»

«Ничего такого, – Гу Фучжоу сдержал улыбку, приняв у супруга плащ из лисьего меха, перекинув его через руку, становясь лишь чуть-чуть серьезнее. – Прошло так много времени с тех пор, как мы видели друг друга. Может быть, ты хочешь мне что-то сказать?»

«Да, – Линь Цинюй вошел в их комнату, тут же попросив. – Но сначала мне придется доставить генералу неудобства, чтобы он приготовил мне чашку чая».

Выпив приготовленный супругом чай, Линь Цинюй рассказал Гу Фучжоу обо всем, что увидел в саду Цзиньян: «Завтра я снова пойду к императрице. Я верю, что на этот раз она захочет меня увидеть».

Гу Фучжоу слушал его рассеянно, спросив напоследок: «Что-нибудь еще?»

«Еще?»

«Ты не хочешь рассказать мне что-нибудь еще?»

Линь Цинюй немного подумал и задал вопрос, который давно его мучил: «Как ты выглядел раньше?»

Гу Фучжоу не ожидал, что Линь Цинюй внезапно спросит его именно об этом. Он даже переспросил его, уточняя: «Ты серьезно? Разве ты не видел меня во сне?»

Линь Цинюй чувствовал себя необъяснимо виноватым, признаваясь: «Я забыл».

Гу Фучжоу изогнул скептически бровь, спрашивая его: «Разве ты не говорил мне ранее, что у тебя абсолютная память? Как ты мог забыть, как я выгляжу?»

Но Линь Цинюй было сложно смутить подобными вопросами: «Как можно сравнивать сны и реальный мир? Смотреть на людей во сне – все равно что любоваться на луну, отражающуюся в воде, или на цветы сквозь туман. Они всегда разделены каким-нибудь слоем, порой даже не одним. Это нормально, что я мог забыть твое лицо из сна».

«Ну, я не знаю, как тебе это описать, – начал отвечать Гу Фучжоу. – Кроме того, я так долго не был в своем первоначальном теле. Прошло уже два года. Я уже сам начал забывать свою первоначальную внешность».

Линь Цинюй погрузился в свои мысли. Гу Фучжоу из его сна когда-то заставил его глаза светиться от восхищения. В сравнении с этим Сяо Ли вызывал у него совсем другие чувства, но он также был красивым молодым человеком. К большому сожалению лекаря Линь, он был просто красивым дураком.

Гу Фучжоу долго смотрел на Линь Цинюя, наконец тяжело вздохнув: «Это так раздражает».

Линь Цинюй пришел в себя, поинтересовавшись: «Что тебя раздражает?»

«То, что за последние два дня ты, кажется, совсем не скучал по мне».

Линь Цинюй даже не знал, как должен был ответить на это замечание.

А Гу Фучжоу продолжал небрежно жаловаться, даже не ожидая никакого ответа от Линь Цинюя. В этот вечер они говорили так долго, что Гу Фучжоу начал испытывать сонливость. Как

вдруг он услышал, как Линь Цинюй произнес: «Необязательно».

Гу Фучжоу помедлил с очередным своим вопросом, еще не до конца осознав услышанное, только глупо подав голос: «...А?»

Слегка покраснев, Линь Цинюй быстро сменил тему: «Я голоден, давай поедим».

Автору есть что сказать:

Соленая рыба: Где императорский переводчик чжэнь*? Что означает «необязательно»?

[Примечание: Чжэнь - так император называет себя.]

Переводчику есть что сказать:

Вот и наше третье тельце подвезли! Пока оно ест снег и бездумно живет...

<http://bllate.org/book/15122/1336691>